

СОЦИОЛОГИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: Мchedlova M.M.
© Исламоведение. 2023. Т. 14, № 4 (58)

SOCIOLOGY OF ISLAM
Person in charge of the section: Mchedlova M.M.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2023. Vol. 14,
no. 4 (58)

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65

УДК 303.425.2 (470.345)

	Содержание статьи	Информация о статье
<i>R.P. Agishev</i> ¹	Введение Результаты исследования Заключение	Поступила в редакцию: 25.10.2023 Передана на рецензию: 27.10.2023 Получена рецензия: 20.11.2023 Принята в номер: 13.12.2023

Мусульмане Мордовии: историко-социологический портрет

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; agishev2019@gmail.com

Аннотация. Этноконфессиональное многообразие России в последние годы сталкивается с рядом угроз, направленных на разрушение традиционного уклада жизни разных народов. В этой связи конфессиональная проблематика приобретает особую актуальность. Автором рассматривается историко-социологический портрет мусульман Республики Мордовия. В основу статьи легли результаты полевых исследований, проведенных сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» в 2016–2023 гг. Анализ позволяет выделить в портрете мусульман Республики Мордовия следующие черты: приверженность традиционным ценностным ориентациям и социальным установкам, невысокий уровень конфессиональной вовлеченности, доминирование общероссийской и местной идентичности по сравнению с этнической и религиозной идентичностью, низкий конфликтный потенциал в сфере межконфессиональных взаимоотношений. Несмотря на «давление» в отношении повседневных жизненных практик, традиционной обрядности и религиозных установок, мусульмане Мордовии сохраняют свою этническую и религиозную идентичность.

Ключевые слова: мусульмане Мордовии, историко-социологический портрет, религиозность, этничность, конфликтогенность.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-4-55-65

УДК 303.425.2 (470.345)

	Content of the article	Information about the article
<i>R.R. Agishev</i> ²	Introduction. The results of the study. Conclusion.	Received: 25.10.2023 Submitted for review: 27.10.2023 Review received: 20.11.2023 Accepted for publication: 13.12.2023

¹ *Руслан Ряфатович Агишев* – ведущий научный сотрудник Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», кандидат исторических наук; orcid.org/0000-0003-0179-8336.

² *Ruslan Ryafatevich Agishev* – Cand. Sc. (History), leading researcher at the state public institution of the Republic of Mordovia “Scientific Center for Socio-Economic Monitoring”; orcid.org/0000-0003-0179-8336.

Muslims of Mordovia: Historical and Sociological Profile

State Public Institution of the Republic of Mordovia “Scientific Center for Socio-Economic Monitoring”; agishev2019@gmail.com

Abstract. In recent years, the ethnoconfessional diversity of Russia, the traditional lifestyle of its indigenous peoples are threatened with destruction. In this regard, confessional issues are becoming particularly relevant. The article is based on the results of field research conducted by employees of the State public institution of the Republic of Moldova “Scientific Center for Socio-Economic Monitoring” in 2016–2023. The author examines the historical and sociological profile of Mordovian Muslims and identifies the following features: adherence to traditional value orientations and social attitudes, a low level of confessional involvement, the dominance of national and local identity in comparison with ethnic and religious identity, low conflict potential in the field of interfaith relations. Despite the pressure on their everyday life practices, traditional rituals and religious attitudes, the Muslims of Mordovia retain their ethnic and religious identity.

Keywords: Muslims of Mordovia, historical and sociological profile, religiosity, ethnicity, conflictogenity.

Введение

Обращение к исламской проблематике в контексте развития этноконфессиональных регионов приобретает особую значимость в условиях внешнего и внутреннего идеологического давления на традиционный российский уклад жизни с его толерантностью к разным этносам и конфессиям, способностью гармонично интегрировать разные культурные традиции в рамках единого цивилизационного проекта (Россия–Евразия) [7, с. 136]. Ценности гармоничного сосуществования разных религий и этносов в границах единого государства становятся целью различного рода манипуляций, идеологических фейковых конструкций. В массовом информационном пространстве, особенно ее сетевом сегменте, для освещения этнической и конфессиональной проблематики активно используется язык вражды, возносящий технику демаркации и противопоставления «они–мы», «свой–чужой» на новый уровень в плане объяснения настоящей реальности [25, с. 87].

Региональный аспект изучения мусульманского сообщества актуализируется этноконфессиональным своеобразием Республики Мордовия, сталкивающимся в последние годы с рядом внешних и внутренних угроз: активной экспансией чуждых моделей религиозного поведения и культурно-мировоззренческих концепций, расколом в мусульманской умме региона, сложно протекающим диалогом с властью и т. д. [22, с. 14].

Мусульманское сообщество Мордовии представлено в первую очередь татарами-мишарями. Во-первых, доля других региональных этнических групп (узбеки, азербайджанцы), исповедующих ислам, заметно уступает в плане численности представителям татарского этноса; во-вторых, согласно региональным социологическим исследованиям абсолютное большинство татар Мордовии в той или иной степени связывают себя с исламом. В связи с этим историография вопроса тесно связана с историей изучения татарского этноса в Поволжье в целом и Мордовском крае в частности. В дальнейшем татары и татары-мишари как субэтническая группа поволжско-приуральских татар упоминаются в качестве тождественных понятий, не включающих в свой состав казанских и касимовских татар.

Объектом целенаправленного научного интереса татары Поволжья становятся после открытия Казанского университета (1804 г.) и начала формирования казанской этнографической школы с ее комплексным подходом к рассмотрению природных и

социальных явлений. В опубликованных в XIX в. этнографических работах о татарах ученые обращаются к самым разным сторонам жизни этноса: географии расселения (Н.В. Прозин), хозяйственным постройкам и промыслам (В.К. Магницкий), происхождению татарской аристократии (В.Э. Красовский) и др. Особый интерес вызывают работы Н.И. Глебова и Г.А. Ахмарова, освещавших в том числе и вопросы религиозного; характера [5; 6].

Становление и доминирование марксистского направления в отечественной историографии определило новые подходы и соответственно идеологические клише в вопросе изучения религиозной истории, в том числе и татар Поволжья. В советский период при изучении духовной культуры татар Поволжья на специфических формах бытования ислама акцентировали внимание Р.Г. Мухамедова, А.П. Смирнов и П.И. Воробьев, отмечавшие наличие в религии татар-мишарей многочисленных синкретических элементов и их внешнюю мимикрию под исламские каноны [17].

Проблематику этнизации и регионализации ислама у татар Поволжья продолжают развивать Л.Д. Гаязов, В.М. Якупов, Р.М. Мухаметшин, Р.К. Уразманова и др. В частности В.М. Якупов говорит о существовании татарского варианта ислама, отличающегося «отсутствием отступлений, сколько-нибудь значительных ересей, тяготение к умеренному, наиболее адекватному пониманию ислама» [29]. А.К. Идиатуллов, непосредственно обращаясь к анализу верований татар-мишарей, указывает на синкретичность их религиозных воззрений (органичное переплетение положений из язычества, православия, суфизма) [10, с. 36]. Вызывает интерес коллективная монография «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование» – первое историко-этнографическое исследование, в котором комплексно рассматриваются хозяйство, промыслы, материальная и духовная культура народов Мордовии, в том числе татар-мишарей [20].

К специфике бытования отдельных мусульманских обрядов непосредственно на территории Мордовского края обращались региональные исследователи – историки, социологи, этнографы (Р.Р. Агишев, Н.Н. Азисова, М.Ю. Бареев, Л.Н. Щанкина и др.), рассматривавшие традиционную татарскую обрядность, трансформацию ритуалов и обрядов жизненного цикла в контексте их исламского наполнения. Изучая похоронно-поминальную обрядность татар Мордовии, Л.Н. Щанкина замечает, что она является отражением почитания культа предков и объединяет как исламские, так и древние общетюркские элементы [26, с. 182].

Процессы организационного строительства мусульманской уммы в Мордовии изучали А.В. Мартыненко, Н.В. Шилов, М.Ш. Салимов и др. В частности А.В. Мартыненко, характеризуя процесс организационного оформления мусульман Мордовии, отмечает, что создание муфтиятов в регионе приобрело особенно сложный характер, и небольшая мусульманская община оказалась разделенной на сторонников трех религиозных организаций (РДУМ РМ, ДУМ РМ и ЦДУМ РМ) [14, с. 65]. Широкий круг вопросов развития мусульманской общины Мордовии – становление местной уммы в условиях поликультурного и многоконфессионального окружения, особенности ее духовно-культурного комплекса и др. – освещается в информационно-публицистическом издании «Татары края Мокши и Суры» [1].

Несмотря на проработанность вопросов социально-экономического, общественно-политического развития мусульманского сообщества Республики Мордовия, проблема целостного представления о самобытной социокультурной общности мусульман республики продолжает оставаться на повестке дня региональных исследователей. В этой связи автором предпринята попытка осветить историко-социологический портрет мусульман Мордовии. В духе сложившегося в социологической науке жанра «портерных» исследований обществ упор делается не на

узкий предметный горизонт (демографию, расселение, традиции, быт, социальную структуру), а на социум как комплекс разнообразных и взаимосвязанных характеристик [3, с. 899]. Историко-социологический портрет мусульман Мордовии в указанном контексте выступает интегрированным ретроспективным описанием социальной сущности сообщества татар-мусульман региона, включающим характеристику этнического, конфессионального и политического компонентов.

В рамках статьи приведен агрегированный анализ результатов количественных и качественных социологических исследований ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» этноконфессиональной тематики: «Социальный портрет татар Республики Мордовия» (2016 г., n = 500), «Этноконфессиональная ситуация в Республике Мордовия» (2019 г., n = 1000), «Этноконфессиональные отношения и миграционные процессы в Республике Мордовия» (2023 г., n = 700). Специфика отправляемых обрядов и их каноничность оценивались в рамках полужурналистского интервью «Мусульманские традиции и обряды татар региона» (2022 г.), проведенного автором.

Результаты исследования

Численность и расселение. Татары Мордовии – относительно небольшая, этнически дисперсная расселенная общность, численность которой с момента образования МАССР отличалась определенной стабильностью: 65,8 тыс. (4,7 % от всего населения) – в 1934 г., 47,3 тыс. (4,6 %) – в 1939 г., 44,9 тыс. (4,4 %) – в 1970 г., 45,8 тыс. (4,6 %) – в 1979 г., 47,3 тыс. (4,9 %) – в 1989 г., 46,3 тыс. (5,2 %) – в 2002 г., 43,3 тыс. (5,2 %) – в 2010 г., 41,1 тыс. – в 2022 г. [2, с. 58].

Статистические переписи (результаты ревизий) позволяют проследить динамику численности татар-мишарей и в более ранний период (XVIII–XIX вв.). Учитывая погубернские и поуездные деления и специфику территориального расселения татар-мишарей, об их численности можно говорить лишь в рамках Поволжско-Приуральского региона: в 1719 г. – 79,5 тыс. чел. (30,5 % от всей численности татар в регионе), в 1744 г. – 104,8 тыс. чел. (32 %), в 1762 г. – 124,8 тыс. чел. (31 %), в 1782 г. – 158,5 тыс. чел. (31 %), в 1795 г. – 193,5 тыс. чел. (31 %), в 1833 г. – 300,1 тыс. чел. (29 %), в 1857 г. – 414,8 тыс. чел. (29 %) и в 1897 г. – 622,5 тыс. чел. (27 %) [11, с. 37]. В течение первой половины XVIII в. фиксировался прирост численности татар-мишарей в среднем на 1 тыс. чел. в год, во второй половине XVIII – начале XIX в. – на 3 тыс. чел., в XIX в. – на 5 тыс. чел. Динамика численности татар региона, и татар-мишарей в том числе, обуславливалась протекающими процессами «отатаривания» башкир и чувашей, в частности через принятие в ислам [9, с. 334].

В настоящее время в Мордовии татары, исповедующие ислам, компактно проживают в Атюрьевском, Ельниковском, Зубово-Полянском, Инсарском, Кадошкинском, Лямбирском, Торбеевском, Рузаевском и Темниковском районах республики, где расположены самые крупные татарские села: Аксеново, Кривозерье, Лямбирово, Пензятка, Татарская Тавла (Лямбирский район), Белозерье, Алтары (Ромодановский район), Татарская Пишля (Рузаевский район) и др. [24, с. 87]. Наибольшее число татар проживает в столице региона – городе Саранске.

Для расположения населенных пунктов характерен гнездовой тип расселения, что в момент основания первых татарских поселений на территории Мордовского края имело важное значение для защиты от врагов и для общения друг с другом. Характерным примером выступают такие гнезда, как Аллагуловское (6 рядом расположенных сел и деревень) и Кадышевское (также 6 рядом расположенных сел и деревень) [20, с. 307].

Самоидентификация. Вопрос о социальной самоидентификации мусульман Мордовии, оставляя за скобками доминирующие общероссийскую и местную идентичности, можно свести к соотношению религиозной и этнической идентичности. Особая значимость такой постановки вопроса обусловлена тем, что в настоящее время на развитие этнических сообществ, особенно в национальных регионах России, продолжают оказывать влияние два параллельных процесса. С одной стороны, религия [ислам] все в большей степени приобретает метакультурную, интегративную функцию по отношению к этносу [27, с. 48], а с другой стороны, этнос стремится дать надэтнической религии [ислам] национально-особенное содержание [4, с. 275]. Результатом выступает синергия указанных процессов, неразрывная взаимосвязь конфессионального и этнического компонентов в структуре социальной идентичности.

По результатам социологических исследований этнический и конфессиональный компоненты в структуре социальной идентичности татар Мордовии выражены примерно в равной степени. При этом географическая специфика накладывает свой отпечаток на распределение ответов: в столице региона респонденты чаще осознают себя и татарами, и мусульманами. Последнее предположительно обусловлено сосредоточением в столице активной общественно-религиозной деятельности и концентрацией офисов татарских и исламских общественных организаций (муфтиятов, местных мусульманских религиозных организаций, «Союза мусульманской молодежи», газет «Ислам в Мордовии» и «Якташлар», «Исламского культурного центра», Общественной организации татарских женщин «Чулпан» и др.).

В сельской местности более выражен этнический компонент самоидентификации. Более того, нередко этническая идентичность тесно увязывается с местной (локальной): респонденты называют себя татарами конкретного села (аксеновские, белозерские, инятские), противопоставляя себя татарам соседних сел. Примеры включения иных элементов (принадлежности к определенной местности) в состав этнической идентичности отмечаются и другими исследователями [28, с. 198].

Социологические исследования позволили установить основные факторы поддержания этнической и религиозной идентичности у татар Мордовии, исповедующих ислам: в отношении этнической идентичности – это место жительства (проживание в сельской местности) и язык (знание татарского языка); в отношении религиозной идентичности – это место жительства (проживание в городской местности) и религия (соблюдение исламских обрядов).

Вопрос о соотношении религиозной и этнической идентичности в ретроспективе приобретал иное звучание. В XVII–XIX вв. согласно писцовым и переписным книгам понятия этнической и религиозной принадлежности воспринимались государством и обществом как синонимы (под терминами «татарин», «служилый татарин» или «ясачный татарин» подразумевались мусульмане) [23, с. 57]. О тесном переплетении этнического и конфессионального компонентов в структуре самоидентификации, в частности в дореволюционный период, свидетельствует также бытование среди татар религиозных воззрений в форме «народного» ислама, органично соединяющего в себе исламские постулаты с народными обычаями и этническими особенностями [21, с. 12].

Конфессионализация. Мусульмане Мордовии в абсолютном большинстве исповедуют суннитский ислам ханафитского мазхаба, считая его традиционным для татарского этноса [13, с. 33]. Организационно объединены в рамках трех муфтиятов (Региональное духовное управление мусульман Республики Мордовия, Духовное управление мусульман Республики Мордовия и Центральное духовное управление Республики Мордовия) и 60 местных мусульманских организаций. При высоком уровне декларируемой религиозности уровень конфессиональной вовлеченности

мусульман региона неоднороден. Учитывая, что объективным критерием уммизации (конфессионализации) выступает религиозная практика, отметим следующее: мусульман, соблюдающих все требования ислама³, по данным социологического исследования, в Мордовии не более 15 %. Остальные верующие требования религии соблюдают нерегулярно (39 %) либо исполняют лишь основные каноны ислама (38 %). Большинство мусульман региона соблюдение в повседневной жизни традиций ислама связывают, как правило, с празднованием религиозных праздников (90 % респондентов регулярно отмечают Курбан-Байрам и Ураза-Байрам). Меньшая часть указывает на каждодневное ношение исламской одежды (18 %) и приготовление блюд исламской кухни (18 %).

О невысокой конфессиональной вовлеченности мусульман Мордовии косвенно свидетельствуют и другие результаты исследования. В частности, в рамках изучения перспектив развития исламского банкинга в регионе, респондентам задавался вопрос «Пользуетесь ли Вы потребительскими кредитами и кредитами на развитие бизнеса?». Учитывая существующий для мусульманина запрет на пользование светскими банковскими продуктами со стабильным процентом, подразумевалось, что отрицательно ответят только те, кто в повседневной жизни соблюдает все каноны ислама. 16 % респондентов ответили, что «это противоречит моим убеждениям». Религиозность реализуется прежде всего в контексте культурной традиции, воспроизводимой преемственностью поколений, бытовых и этнокультурных норм и традиций. Совершение религиозных ритуалов и обрядов обусловлено в основном внешней мотивацией, определяющей их аскриптивный характер [12, с. 34]. Значительная часть мусульман региона участвует в религиозных праздниках, в совершении религиозных обрядов по национальной (42 %) и семейной (42 %) традиции и т. д. Следовательно, можно говорить об изменении культового поведения, когда практика участия в религиозных праздниках и обрядах и мотивация этого приобретают нерелигиозный характер.

Обращаясь к исторической ретроспективе вопроса конфессиональной вовлеченности мусульман, следует заметить, что в начале XX в. в татарских селах современной территории Республики Мордовии действовало 118 мечетей, существовала развитая сеть мусульманского конфессионального образования (в Краснослободском уезде – 30 мектебов, в Инсарском уезде – 14) [8, с. 234]. В документах советских надзорных органов середины XX в. многократно отмечается, что в дни религиозных праздников мусульмане массово прекращали работы, ученики не посещали учебные заведения, совершались коллективные азаны [16, с. 125]. В архивных документах 80-х гг. XX в. свидетельства о подобных фактах уже не встречаются. В настоящее время во всех татарских селах региона, где круглогодично проживают жители, действуют мечети (48 на 2022 г.). Образовательная деятельность в форме занятий по основам Ислама, изучению Корана и арабского языка для детей и женщин осуществляется лишь в незначительной части. Многочисленные проекты по созданию полноценных религиозных учебных заведений (мектябе и медресе), вопрос о которых регулярно поднимается на заседаниях муфтиятов, до сегодняшнего дня так и не реализованы. В то же время результаты исследования «Мусульманские традиции и обряды татар региона», в рамках которого интервьюировались представители духовенства и практикующие мусульмане, говорят о том, что потребность в получении

³ В анкете социологического опроса содержалось следующее пояснение для респондентов: под требованиями ислама понимаются совершение обязательной пятикратной молитвы каждый день, соблюдение поста в месяц Рамадан, совершение хаджа, практикование религиозного налога в пользу нуждающихся, декларация символа веры.

качественного исламского образования в Мордовии присутствует. Косвенным свидетельством последнего также выступает выезд уроженцев Мордовии для прохождения обучения в исламских учреждениях России и зарубежья, наибольшие масштабы которого были зафиксированы в 1990-е – начале 2000-х гг. [16, с. 129].

На состояние межконфессиональных отношений в республике, и как следствие, на религиозные взгляды верующих, оказывает значительное влияние организационный раскол в умме – внутриконфессиональный конфликт между тремя региональными религиозными организациями мусульман (РДУМ РМ, ДУМ РМ и ЦДУМ РМ), ставший «зеркальным отражением» аналогичной ситуации в общероссийской умме [15, с. 147]. Учитывая отсутствие догматических или культовых различий, причинами продолжающегося соперничества между муфтиятами республики выступили и личные амбиции отдельных духовных лидеров, и борьба за власть, и «старинные» противоречия между наиболее авторитетными сельскими сообществами (белозерским, аксеновским и т. д.). Приходится констатировать, что внутриконфессиональный конфликт отражается не только на невозможности развития совместных крупных проектов (наиболее показательным примером выступает проект по созданию единого центра по подготовке имамов), но и на внутреннем состоянии уммы. По результатам интервью представители разных муфтиятов достаточно критически оценивают, в частности, просветительскую деятельность друг друга.

Специфика межконфессиональной коммуникации. Мусульмане Мордовии демонстрируют относительно высокий уровень межконфессиональной толерантности. При ответе на вопрос «Есть ли религии или религиозные организации, к которым Вы испытываете неприязнь?» примерно каждый десятый (11 %) респондент ответил утвердительно. В качестве примера назывались секты и нетрадиционные для России религиозные вероучения. Другим маркером позитивной межконфессиональной коммуникации выступают межрелигиозные браки, отношение к которым со стороны мусульман региона довольно противоречиво. Около половины респондентов положительно (23 %) или безразлично (21 %) относятся к межконфессиональным бракам, более трети опрошенных – отрицательно (12 %) или сговорками о сохранении национальных традиций и веры (26 %). Последнее свидетельствует о том, что, несмотря на процессы социальной эволюции в российском обществе, этнический и религиозный фактор по-прежнему имеют значение при выборе брачного партнера, особенно в исламском сообществе. Заметим, что противоречивость, неоднозначность суждений относительно межнациональных и межконфессиональных браков свойственны и представителям других конфессий, проживающих на территории региона [12, с. 42].

Социальные установки и ценностные ориентации. Ценностное ядро мусульман Мордовии образуют такие универсализмы, как семья и здоровье, на которые традиционно указывает абсолютное большинство респондентов. К ним примыкает материальное благополучие, особенно часто отмечаемое в старшей и средней возрастной категориях. Примечательно, что в городской местности мусульмане несколько чаще выделяют религию, а в сельской – национальные татарские традиции. Последнее в определенной степени подтверждает тезис о том, что в городах, где ведется более активная, насыщенная религиозная жизнь, религиозность мусульман выше. Блок ценностей, связанных не с внутренним индивидуально-семейным пространством, а с внешним миром, имеет существенно меньшее значение для мусульман. Менее десятой части респондентов отмечают такие ценности, как демократия, свобода личности, гражданская активность, свобода предпринимательства и др. Рейтинг проблем, которые вызывают беспокойство мусульман, также определяется их сосредоточенностью на внутреннем круге близких людей (семьи,

друзей) – рост цен, низкая оплата труда и безработица, которые непосредственно влияют на материальное благополучие их самих и их близких. В связи с эмоционально значимыми внешними и внутривластными событиями последнего времени отмечается повышение запроса на безопасность и порядок. Респонденты чаще указывают на важность ценностей патриотизма, сильного государства и др.

Заключение

Социальный портрет мусульман Республики Мордовия довольно статичен и отличается уже сформировавшимися чертами: количественно сложившееся сообщество с отсутствием значительной динамики состава, приверженность традиционным ценностным ориентациям и социальным установкам, массово декларируемая религиозность при относительно невысоком уровне конфессиональной вовлеченности, существенно большая выраженность общероссийской и местной идентичности по сравнению с этнической и религиозной, низкий конфликтный потенциал межконфессиональных взаимоотношений. Историческая ретроспектива в социальном облике мусульманского сообщества региона «высвечивает» целый ряд этнокультурных, социально-экономических и общественно-политических трансформаций. Это и изменение репродуктивных установок, и ориентация на современную модель семьи, и вовлеченность в религиозную жизнь, преимущественно на социокультурном уровне, и придание религиозным воззрениям этнических черт и др. Мусульмане региона выступают неотъемлемой частью этноконфессионального пространства республики, испытывая интеграционное влияние в отношении повседневных практик жизнеобеспечения, традиционной обрядности, конфессиональных установок и сохраняя при этом этничность и самоидентификацию.

Литература

1. *Агишев Р.Р., Бареев М.Ю., Мартыненко А.В.* Татары края Мокши и Суры. – М.: Издат. дом «Читай», 2022. – 174 с.
2. *Абрамова О.В.* Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в. // *Финно-угорский мир.* 2014. № 1 (18). – С. 56–61.
3. *Андреев А.Л.* В жанре социологического портрета // *Вестник Российской академии наук.* 2017. Т. 87, № 8. – С. 898–904.
4. *Белик А.А.* Культура и личность. – М., 2001. – 377 с.
5. *Глебов Н.И.* О татарах Пензенской губернии // *Пензенские губернские ведомости.* 1860. № 18. – С. 126–129.
6. *Ахмаров Г.И.* О языке и народности мишарей // *Известия общества археологии, истории и этнографии.* 1903. Т. 19, вып. 2. – С. 91–160.
7. *Грачев Б.В.* Философско-политическое осмысление Евразии в контексте российского проекта цивилизационного развития // *Философская мысль.* 2021. № 11. – С. 119–138.
8. *Девятаев А.С.* Процесс эволюции мусульманского просвещения на материалах Республики Мордовия // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования.* 2008. № 1 (7). – С. 234–237.
9. *Иванов В.П.* Татарская ассимиляция как фактор этнодемографических процессов у чувашей в XVIII–XIX вв. // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.* 2016. № 6. – С. 332–338.
10. *Идиатуллов А.К.* Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области // *Вестник Чувашского университета.* 2010. № 1. – С. 35–42.
11. *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // *Советская этнография.* 1980. № 4. – С. 25–39.

12. Козин В.В., Фадеева И.М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия: монография. – Саранск, 2022. – 124 с.
13. Мартыненко А.В. Мусульмане Мордовии: проблема преодоления внутреннего конфликта // Россия и мусульманский мир. 2013. – С. 30–37.
14. Мартыненко А.В. Исламское возрождение в Поволжье в конце XX – начале XXI в. (на материалах Татарстана, Мордовии, Чувашии, Марий Эл) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 3 (35). – С. 62–70.
15. Мартыненко А.В. Организационный раскол в умме Республики Мордовия в 2000–2014 гг.: причины, деструктивный потенциал, последствия // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3. – С. 146–149.
16. Миннулин И.Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 1. – С. 116–145.
17. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари: ист.-этногр. исслед.; монография. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
18. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М.: Наука, 1951. – 295 с.
19. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. П.И. Воробьева, Г.М. Хисамутдинова. – М.: Наука, 1967. – 537 с.
20. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 608 с.
21. Салькаев Т.Х. Духовная культура татар-мишарей: традиции, трансформации, особенности (на материалах Среднего Поволжья); автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2011. – 22 с.
22. Социальный портрет татар Республики Мордовия: бюллетень / под ред. В.В. Конакова; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. – Саранск, 2016. – 80 с.
23. Татары в переписях населения. – Казань, 2021. – 76 с.
24. Тесленок С.А., Исхакова М.Ю. Картографический анализ расселения татар в Республике Мордовия // Известия дагестанского государственного педагогического университета. 2020. Т. 14, № 2. – С. 83–88.
25. Труфанов Г.А., Винникова И.И. Конфликтогенность дискурсивных медиапрактик в контексте риск-рефлексии // Власть. 2022. № 1. – С. 84–91.
26. Щанкина Л.Н. Похоронно-поминальные обряды татар-мишарей Мордовии в конце XIX – начале XXI в. // Вестник антропологии. 2023. № 2. – С. 169–183.
27. Хабенская Е. Ислам и татарская идентичность // Россия и мусульманский мир. 2006. № 2. – С. 48–64.
28. Худякова Е.С. Компоненты этнической идентичности татар Пермского края (по данным спонтанных текстов) // Научный диалог. 2020. № 6. – С. 190–205.
29. Якупов В.М. Ислам и традиции // Сайт Русский архипелаг: сетевой проект «Русского мира». – Режим доступа: https://archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/project/tradition/ (дата обращения: 06.09.2023).

References

1. Agishev R.R., Bareev M.Yu., Martynenko A.V. *Tatars of the Moksha and Sura region*. – Moscow, 2022. – 174 p. (In Russian).
2. Abramova O.V. Settlement and population dynamics of the Mordovian ethnic group in the late XX – early XXI century. *Finno-Ugric world*. 2014. No. 1 (18). – Pp. 56–61. (In Russian).
3. Andreev A.L. In the genre of sociological portrait. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 87, no 8. – Pp. 898–904. (In Russian).

4. Belik A.A. Culture and personality. – Moscow, 2001. – 377 p. (In Russian).
5. Glebov N.I. About the Tatars of the Penza province. *Penza provincial Vedomosti*. 1860. No. 18. – Pp. 126–129.
6. Ahmarov G.I. About the language and nationality of Mishars. 1903. Vol. 19. – Pp. 91–160. (In Russian).
7. Grachev B.V. Philosophical and political understanding of Eurasia in the context of the Russian project of civilizational development. *Philosophical thought*. 2021. No. 11. – Pp. 119–138. (In Russian).
8. Devyataev A.S. The process of evolution of the Muslim enlightenment on the materials of the Republic of Mordovia. *Humanitarian: actual problems of humanities and education*. 2008. No. 1 (7). – Pp. 234–237 (In Russian).
9. Ivanov V.P. Tatar assimilation as a factor of ethnodemographic processes among the Chuvash in the XVIII–XIX centuries. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2016. No. 6. – Pp. 332–338. (In Russian).
10. Idiattullov A.K. Evolution of religious syncretism of the Tatar-Mishars of the Ulyanovsk region. *Bulletin of the Chuvash University*. 2010. No. 1. – Pp. 35–42. (In Russian).
11. Iskhakov D.M. Settlement and number of Tatars in the Volga-Ural historical and ethnographic region in the 18th–19th centuries. *Soviet ethnography*. 1980. No. 4. – Pp. 25–39. (In Russian).
12. Kozin V.V. *Religious situation in the Republic of Mordovia: monograph*. – Saransk, 2022. – 124 p. (In Russian).
13. Martynenko A.V. Muslims of Mordovia: the problem of overcoming internal conflict. *Russia and the Muslim world*. 2013. No. 8. – Pp. 30–37. (In Russian).
14. Martynenko A.V. Islamic Revival in the Volga region in the late XX – early XXI century (based on the materials of Tatarstan, Mordovia, Chuvashia, Mari El). *News of higher educational institutions. Volga Region*. 2015. No. 3 (35). – Pp. 62–70. (In Russian).
15. Martynenko A.V. Organizational split in the Ummah of the Republic of Mordovia in 2000–2014: causes, destructive potential, consequences. *Humanities and education*. 2014. No. 3. – Pp. 146–149. (In Russian).
16. Minnulin I.R. Islamic Revival in the Tatar village of Mordovia in the Soviet and post-Soviet periods. *Historical ethnology*. 2016. Vol. 1, no. 1. – Pp. 116–145. (In Russian).
17. Muhamedova R.G. *Tatars-mishari: historical and ethnographic research: monogr.* – Moscow, 1972. – 248 p. (In Russian).
18. Smirnov A.P. *Volga Bulgars*. – Moscow, 1951. – 295 p. (In Russian).
19. *Tatars of the Middle Volga region and the Urals*. – Moscow, 1967. – 537 p. (In Russian).
20. *Peoples of Mordovia: historical and ethnographic research / Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. – Saransk, 2012. – 608 p. (In Russian).
21. Sal'kaev T.H. *Spiritual culture of the Tatars-Mishars: traditions, transformations, features (based on the materials of the Middle Volga region)*: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical sciences: 24.00.01. – Saransk, 2011. – 22 p. (In Russian).
22. *Social portrait of Tatars of the Republic of Mordovia: bulletin / Scientific Center of socio-economic monitoring*. – Saransk, 2016. – 80 p. (In Russian).
23. *Tatars in the population censuses*. – Kazan, 2021. – 76 p. (In Russian).
24. Teslenok S.A., Iskhakova M.Yu. Cartographic analysis of the settlement of Tatars in the Republic of Mordovia. *News of Dagestan State Pedagogical University*. 2020. Vol. 14, no. 2. – Pp. 83–88. (In Russian).
25. Trufanov G.A., Vinnikova I.I. Conflictogenicity of discursive media practices in the context of risk reflection. *Power*. 2022. No. 1. – Pp. 84–91. (In Russian).
26. Shchankina L.N. Funeral and memorial rites of the Tatar bearers of Mordovia in

the late XIX – early XXI centuries. *Bulletin of Anthropology*. 2023. No. 2. – Pp. 169–183. (In Russian).

27. Habenskaya E. Islam and Tatar Identity. *Russia and the Muslim world*. 2006. No. 2. – Pp. 48–64. (In Russian).

28. Hudyakova E.S. Components of the ethnic identity of the Tatars of the Perm region (according to spontaneous texts). *Scientific dialogue*. 2020. No. 6. – Pp. 190–205. (In Russian).

29. Yakupov V.M. Islam and traditions. *Website Russian Archipelago: network project of the Russian World*. [Electronic resource]: https://archipelag.ru/ru_mir/religio/gko/project/tradition/ (accessed 09.06.2023). (In Russian).